

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Софья Борисовна Абрамова

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры прикладной социологии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

Наталья Леонидовна Антонова

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии и технологий
государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

Цифровое взаимодействие молодежи и власти: мотивация и барьеры

УДК: 316.4

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-2-100-121

Развитие цифровых технологий существенным образом изменяет потенциал и практики участия граждан в принятии управленческих решений. Необходимость развития цифровых каналов коммуникации между молодыми гражданами и властными структурами определяется интересами как субъектов власти, так и гражданского общества. При очевидных и признаваемых преимуществах онлайн-коммуникаций цифровая инфраструктура сама по себе не определяет интенсивность и эффективность обращения молодежи к диалогу с властью. С целью выявления форм, мотивов и препятствий цифрового взаимодействия молодежи с властью нами проведен социологический опрос жителей Екатеринбурга в возрасте 15–35 лет ($n = 1350$). Выделены основные формы цифровых обращений молодежи к властным структурам, и сконструированы четыре типа молодых граждан по охвату использования цифровых каналов: максималисты, универсалы, минималисты, а также непользователи онлайн-ин-

струментов коммуникации с властью. Определено пять типов факторов, выступающих в качестве барьеров при выборе и готовности использовать цифровые формы взаимодействия с властью. Показано, что большинство опрошенных имеют представления или проблемы, которые могут быть отнесены к двум и более барьерам, что оценивается нами как высокий уровень барьеризации цифрового взаимодействия с властью. Важным аспектом преодоления барьеров выступает формирование мотивации общественной активности молодежи, и для решения этой задачи в исследовании выявлена структура мотивов молодежи: определено лидирующее значение мотивов эффективного влияния на ситуацию и на власть, высокая значимость мотивов решения личных задач и менее выраженное влияние мотивов социальной солидарности и гражданского долга.

Ключевые слова: молодежь, власть, цифровизация, онлайн-коммуникация, мотив, препятствия, соучастие, эффективность.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания (тема FEUZ-2023-0045).

Введение

Цифровые технологии все активнее вплетаются в жизнедеятельность разных групп и общностей, становятся условием функционирования социальных институтов [Legner et al., 2017]. Стремительное развитие цифровых платформ, экспансия искусственного интеллекта, медиатизация общественных отношений меняют модели взаимодействия между людьми, в том числе и взаимодействие граждан с различными институциональными образованиями. Цифровизация расширяет возможности вовлечения индивидов в экономические, политические, социокультурные практики, а также их эвентуальный потенциал в принятии управленческих решений. Возросшая скорость инноваций в цифровой среде не только побуждает бизнес-структуры быстрее реагировать на меняющиеся потребности и запросы населения, но и заставляет «шевелиться» властные органы, целевой установкой которых является реализация принципов социального партнерства и диалога с населением [Рубанов, 2013], служащая базисом формирования культуры участия граждан, когда индивиды соучаствуют в обсуждении вопросов государственной политики и решают «на равных» актуальные общественные проблемы [Kligler-Vilenchik, Shresthova, 2014].

Современные люди, прежде всего молодое поколение, открыты к включению цифровых практик в их частную жизнь. Исследователи утверждают, что формируется новый тип индивида — «оцифрованная личность» (digitized individuals) [Matt et al., 2019]. В условиях возрастающих информационных потоков такой человек берет на себя ответственность за выбор и использование цифровых технологий в разных областях своей жизнедеятельности [Шиповалова и др., 2021], оставляя, преднамеренно или непреднамеренно, электронные поведенческие следы. Молодежь — «цифровые аборигены», по утверждению М. Пренски [Prensky, 2001], — это цифровое поколение, которое не только получает информацию, используя сеть Интернет,

но и активно включается в ее производство и тиражирование. Интернет становится для молодежи площадкой для коммуникации, проведения досуга, потребления медиаконтента, а структура времени, проводимого в виртуальном пространстве, распределена между множеством разных по своему профилю сайтов / порталов / цифровых ресурсов [Руденкин, 2019]. Использование Интернета стало рутинизированной практикой молодежи, неотъемлемой частью их жизни: согласно материалам «Медиаскопа» (2023), в среднем ежедневно молодежь от 12 до 24 лет проводит в сети Интернет шесть часов [Медиаскоп, 2023].

Молодое поколение в современных общественных структурах предстает как носитель инновационных идей и решений; за молодежью закрепляется определение векторов дальнейшего развития социетальной системы; именно ее активная позиция в настоящем создает предпосылки развития гражданского общества в будущем. Становление культуры участия молодежи в общественной жизни в условиях быстрого развития информационно-коммуникационных технологий предполагает обращение к ней и «разговора» с ней на том языке, который характерен для цифрового поколения. Речь идет о необходимости развития цифровых каналов коммуникации между молодыми гражданами и организационно-властными структурами. В нашем исследовании мы обратились к изучению мотивации обращения молодежи к цифровым формам общения и анализу обстоятельств, препятствующих выстраиванию эффективной и действенной системы цифрового взаимодействия.

Обзор литературы

Проблематика цифрового взаимодействия является актуальным предметом исследовательского поиска представителями социогуманитарных наук. В отличие от традиционных механизмов взаимодействия, таких как опросы населения, публичные слушания, общественные приемные и пр. [Барбаков и др., 2015], цифровизация расширяет каналы коммуникации с властью, способствуя повышению доступности соучастия граждан в принятии решений [Sæbo et al., 2008], является способом заявления собственной позиции и проявлением гражданской активности. По данным Росстата, только в 2017 г. в органы власти обращалось 65,7% населения в возрасте от 15 до 72 лет, из них 42,3% использовали для этого Интернет; в 2021 г. 68,2% населения в возрасте 15–72 лет получали государственные и муниципальные услуги в электронной форме, т. е. 85,1% всех обращений было осуществлено в электронной форме, а среди молодежи этот показатель достиг 93,6% [Цифровая экономика, 2023].

Взаимодействие граждан с властными структурами рассматривается исследователями как добровольная деятельность, целью которой выступает влияние на принятие решений по актуальным вопросам [Deth, 2010]. Такой деятельностью может выступать электронное голосование, общение с должностными лицами с использованием инструментов информационно-коммуникационных технологий, подача электронных петиций и пр. Особое внимание исследователи уделяют роли социальных сетей в коммуникативном пространстве взаимодействия [Рослякова, 2019]. Так, Н.С. Зимова с коллегами пришли к выводу, что главы регионов, активно использующие социальную сеть для взаимодействия с гражданами, имеют более высокие показатели уровня доверия со стороны населения [Зимова и др., 2020]. В западных странах разработаны специальные рекомендации для служащих государственных

структур, в которых определены принципы взаимодействия с населением [Mickoleit, 2014].

В новом тысячелетии исследователи по-разному оценивали гражданский активизм молодого поколения: часть ученых пришли к выводу о пассивности молодежи и ее отчуждении от институтов власти [Ross, 2018]; другие, наоборот, утверждали ее возросшую гражданскую активность [Pickard et al., 2022]. Р.В. Пырма считает, что использование Интернета оказывает положительное влияние на политическое участие [Пырма, 2019], молодое поколение меняет формы гражданского активизма, формируя онлайн-связи и активности в соответствии со своими запросами и потребностями. Вместе с этим, как показывают исследования, эффективность этого взаимодействия пока еще слаба. Например, участие молодежи в законодательных инициативах на официальных платформах зачастую не было учтено в принятых нормативно-правовых актах [Meriläinen et al., 2020]. Кроме того, если инициативы молодежи не вписываются в актуальную политическую повестку, то их программы и проекты также будут проигнорированы [Kidman, O'Malley, 2018].

Наличие специально разработанных цифровых ресурсов со стороны организационных структур создает возможности, но не гарантирует обращение молодого поколения к диалогу с властью [Dahlgren, 2013]. Согласно М. Тутс, цели платформ электронного участия сложны, а разные группы пользователей преследуют разные цели и имеют широкий спектр зачастую противоречивых ожиданий [Toots, 2019]. Интересным в связи с этим видится подход Х. Юсола с коллегами, которые предлагают самой молодежи принимать участие в разработке политики цифрового взаимодействия с органами власти [Juusola, Varsaluoma, 2023]. В целом для повышения вовлеченности молодежи в цифровые формы коммуникации с управленческими институтами исследователи предлагают следующие рекомендации: 1) цифровые ресурсы должны быть просты, понятны, интересны и удобны в использовании; 2) на сайтах и порталах должна быть обязательно предусмотрена обратная связь; 3) платформы должны быть интегрированы в политические процессы и, наконец, 4) в них необходимо закладывать возможность разделения решения конкретных вопросов на федеральном, региональном и местном уровнях [Scherer et al., 2012].

Методы исследования

Основной целью нашего исследования стал социологический анализ особенностей, мотивов и препятствий в системе цифрового взаимодействия молодежи с властью. Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи: типологизировать молодых граждан по спектру используемых форм цифровых обращений во властные структуры, выделить барьеры, выступающие препятствиями использования цифровых каналов коммуникации и результативности взаимодействия с властью, а также определить мотивацию вовлечения молодежи во взаимодействие с институтами власти, в том числе в цифровом формате.

Эмпирической базой исследования выступили результаты авторского социологического опроса молодых жителей Екатеринбурга. В сентябре 2023 г. опрошено 1 350 человек в возрасте 15–35 лет. Использовалось сочетание онлайн-опроса и раздаточного анкетирования (для студенческой молодежи). Среди опрошенных 60% составили респонденты женского, 40% — мужского пола. По роду занятости в

выборку включены представители учащейся и работающей молодежи: 67% учатся в высших и средних специальных учебных учреждениях и не работают, 23% сочетают учебную и трудовую деятельность, 10% только работают. Все респонденты были проинформированы о целях интервью и дали согласие на сотрудничество.

Полученные в ходе опроса данные были обработаны с использованием программы SPSS. В ходе анализа данных применялись как общенаучные методы исследования (классификация, сравнение, обобщение и др.), так и специальные методы работы с количественными данными: построение показателей дескриптивной статистики, корреляционный анализ. Основным ограничением исследования выступает охват молодежи одного мегаполиса. Однако в контексте исследования необходимо учитывать, что городская молодежь обладает наиболее высокой вовлеченностью в электронные формы взаимодействия с властью в сравнении с другими социально-демографическими группами, а также демонстрирует несколько более высокий уровень удовлетворенности этим взаимодействием. При этом Уральский федеральный округ входит в тройку лидеров по числу абонентов мобильного Интернета в расчете на 100 чел. населения [*Индикаторы цифровой экономики, 2023*].

Результаты исследования

Формы цифрового взаимодействия с властью и типологизация молодежи

Молодое поколение как активный субъект цифровой коммуникации при взаимодействии с государственными и муниципальными органами власти прежде всего использует портал «Госуслуги», на котором предложен широкий репертуар услуг как для всех граждан, так и для отдельных категорий (табл. 1). Портал, несмотря на проблемные точки работы, является одним из самых устойчивых и стабильных каналов связи общества и государства [*Иванько и др., 2017*]. Молодежь также пользуется мобильными приложениями, онлайн-приемными, представленными на официальных сайтах/порталах организаций, электронной почтой. Полагаем, что лидирующие позиции указанные формы цифрового взаимодействия занимают в силу их формализации и служебного/публичного статуса, в отличие от контактов на страницах органов власти в социальных сетях и комментариев на сайтах. Кроме того, о выборе официальных каналов взаимодействия с властными структурами свидетельствуют и результаты нашего исследования, проведенного в 2020 г.: полностью институционализированные формы, основанные на использовании механизмов участия, предлагаемых со стороны органов федеральной власти или местного самоуправления, предпочитает каждый третий молодой горожанин [*Антонова и др., 2022*].

Корреляционный анализ свидетельствует, что использование цифровых форм взаимодействия тесно связано между собой. Так, коэффициент Пирсона при расчете связи использования портала «Госуслуги» и других цифровых обращений принимает значения от 0,542 до 0,637 (корреляция значима на уровне 0,01, двухсторонняя). Цифровые инструменты коммуникации, которые занимают нижние строки, демонстрируют более сильную связь с другими формами: если респондент обращался к властным структурам через социальные сети, то с высокой вероятностью он также размещал отзывы на сайтах (коэффициент Пирсона 0,830) и отправлял электронные письма (0,774).

Табл. 1. Доля пользователей цифровых инструментов взаимодействия с властью
 Table 1. Share of users of digital tools for interaction with authorities

Цифровые инструменты обращения	Доля респондентов, использовавших этот инструмент, %
Обращаться через «Госуслуги»	63,9
Пользоваться электронными сервисами через мобильные приложения	46,1
Обращаться через официальные сайты и порталы (онлайн-приемные)	34,1
Направлять официальные письма, запросы, обращения через электронную почту	19,6
Оставлять комментарии, отзывы к проектам на сайтах	11,9
Отправлять сообщения на страницах органов власти в социальных сетях	8,6

На основании указанных выше форм цифрового взаимодействия за последние два-три года были сконструированы четыре типа молодых граждан по охвату использования цифровых каналов обращения к власти:

Пользователи-максималисты (6,7% опрошенных). К этому типу отнесены респонденты с опытом использования максимального числа (5–6) из предложенных форм взаимодействия с властями. Доля этих пользователей одинакова среди юношей и девушек, несколько выше среди работающей молодежи.

Пользователи-универсалы (26,4%). Этот тип охватывает опрошенных, практикующих 3–4 варианта онлайн-коммуникации с государственными/муниципальными органами власти. Такую модель чаще демонстрируют девушки, студенты высших учебных заведений и работающая молодежь.

Пользователи-минималисты (38,6% молодых граждан). Молодежь этого типа выбрала 1–2 инструмента электронного взаимодействия с институтами власти. Наблюдается в равной степени представленность этой подгруппы среди мужчин и женщин, а также среди учащихся и работающих.

Непользователи (28,3%). За последние несколько лет не имеют опыта цифровых обращений к власти. Этот тип более распространен среди мужчин, а также среди учащихся средних специальных учебных учреждений.

Полученные результаты убедительно демонстрируют, что структура молодежи в выделенных типах имеет выраженную зависимость от возраста (рис. 1). Респонденты, отметившие, что не используют цифровые модели обращения к власти, в наибольшей степени представлены среди самых молодых участников опроса (42,8%), и их доля существенно сокращается к 23–26 годам (5,2%). В возрастной группе 27–29 лет мы фиксируем разнонаправленные процессы: увеличивается численность молодых граждан, не имеющих цифрового опыта взаимодействия (17,4%), и одновременно растет доля «оцифрованной» молодежи (13%). Общим трендом является рост универсальных пользователей: от 15,8% среди 15–17-летних до 42,9% у 30–35-летних. Максимальная вовлеченность наблюдается в 24–25 лет. Также отметим, что доля молодежи с максимальным охватом цифровых каналов взаимодействия с властью колеблется в пределах 6–13%, что можно с некоторой осторожностью рассматривать как границы насыщения подгруппы молодых граждан, использующих широкий репертуар онлайн-коммуникаций.

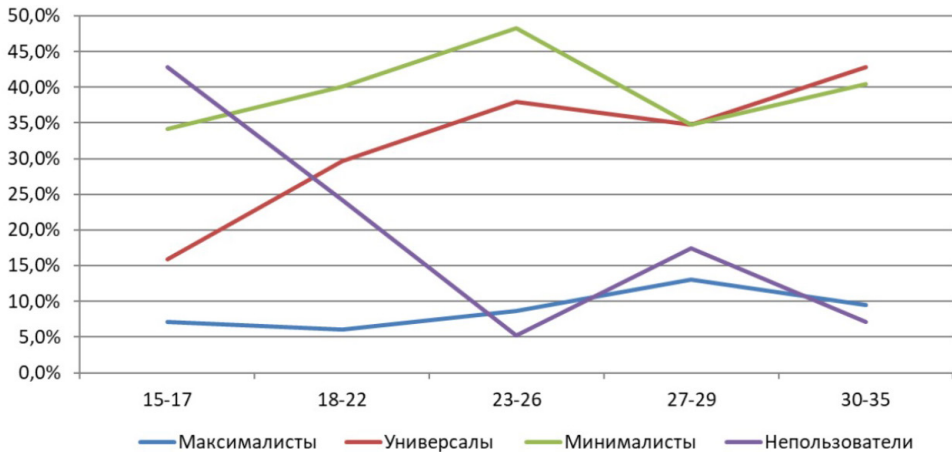

Рис. 1. Структура типов по охвату использования цифровых каналов обращения к власти в различных возрастных группах молодежи

Fig. 1. Structure of types by coverage of the use of digital channels for appealing to authorities in various age groups of youth

Барьеры цифрового взаимодействия молодежи и власти

Моделирование факторов, выступающих в качестве барьеров в процессе выбора и использования цифровых форм взаимодействия с властью, осуществлялось в два этапа.

На первом этапе было выделено пять типов барьеров: недостаточные/слабые цифровые компетенции, недоверие к цифровым формам гражданского активизма, невысокая оценка эффективности цифрового взаимодействия, ограниченные возможности онлайн-коммуникации, сложности в восприятии аккаунтов властных структур.

Цифровые компетенции выступают одним из условий активного использования информационно-коммуникационных технологий в поле взаимодействия молодежи с властными структурами. Несмотря на высокий их уровень среди молодого поколения (поколения цифровых аборигенов) [НАФИ, 2020], результаты нашего опроса показывают, что только 38,4% заявляют о безусловной достаточности имеющихся знаний и навыков, чтобы обращаться за государственными услугами и взаимодействовать с органами власти в электронном виде. Остальные в той или иной мере испытывают затруднения, при этом 8,6% молодежи указывают на серьезные трудности использования цифровых инструментов. Закономерно, что рост уверенности в своих знаниях происходит с возрастом (61,9% в подгруппе 30–35-летних удовлетворены своими знаниями) и с уже имеющимся опытом (среди «максималистов» и «универсалов» доля считающих знания достаточными составляет 47%, среди непользователей — 23,3%) (рис. 2). Как следствие, две трети опрошенных предпочли бы электронное взаимодействие через Интернет, 14,1% выбрали бы традиционное (личное) обращение в органы власти, а 20,3% не готовы выбрать тот или иной формат коммуникации.

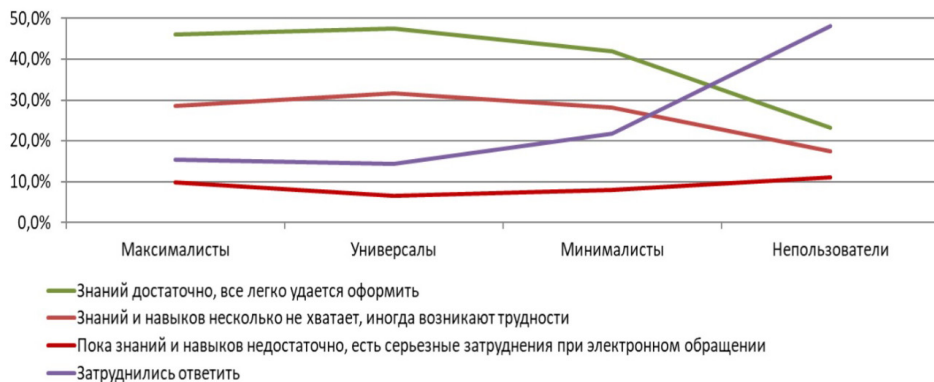

Рис. 2. Оценка молодежью своих компетенций использования цифровых форм обращения к власти

Fig. 2. Young people's assessment of their competencies in using digital forms of appeal to power

В основе барьеров, связанных с недоверием цифровым формам гражданского активизма, с одной стороны, лежит осторожность по отношению к самим цифровым технологиям, искусственному интеллекту и т. п., и, как фиксируют результаты опроса ВЦИОМ, россияне не готовы к полномасштабному внедрению «умных решений» [ВЦИОМ, 2023]. С другой стороны, препятствующим фактором выступает уровень доверия собственно самой власти: по оценкам фонда «Общественное мнение», политикой интересуются 37% российской молодежи [ФОМ, 2023], и при этом уровень доверия к власти у молодых россиян находится на достаточно низком уровне [Федотова, 2022].

В целях соединения двух указанных оснований и избежания прямых «лобовых» вопросов в нашем проекте мы замеряли готовность молодежи использовать электронное голосование на различных выборах в качестве индикаторов проявления гражданственности и намерений молодого поколения быть вовлеченными в актуальную политическую повестку. Чуть более половины опрошенных (55,4%) поддерживают онлайн-голосование, 14% заявляют о своем негативном отношении к этому формату. Исследование продемонстрировало высокую долю затруднившихся ответить (30,7%), скорее колеблющихся и раздумывающих о позитивных и негативных аспектах такой процедуры, не определивших четко своей позиции.

Важно отметить, что опыт включения в цифровое взаимодействие с властью способствует увеличению негативной оценки электронного голосования: практически каждый четвертый участник-максималист не желает использовать онлайн-голосование; при этом среди тех, кто не использует цифровые формы коммуникации, эта доля составляет только 9,4%. Подчеркнем, что даже среди активных пользователей сохраняется высокая доля сомневающихся (26,4%), что указывает, на наш взгляд, на сложность и незавершенность процесса формирования цифрового доверия к власти [Чепелюк, 2022].

Для определения эффективности взаимодействия молодежи со структурами, обладающими властью, и, соответственно, для выделения невысокой результативности онлайн-коммуникации в качестве барьера мы обратились к пятибалльной

шкале (где 1 означает очень низкую, а 5 — очень высокую эффективность), по которой предложили респондентам оценить пять цифровых инструментов.

Все каналы обращения к власти получили среднюю оценку эффективности, которая укладывается в диапазон 2,55–3,29 балла из пяти возможных (табл. 2). В сравнении укажем, что и личные обращения в органы власти не получили у молодежи высокой оценки эффективности: средний показатель 3,37 балла, что несколько выше оценки результативности цифровых каналов коммуникации. Доля тех, кто поставил максимальный балл эффективности, составляет 14–20% опрошенных: наибольшее число максимальных оценок эффективности набирает использование электронной почты, а меньше всего высоких баллов поставили социальным сетям. На наш взгляд, это указывает на присутствие у подавляющего большинства молодежи сомнений, неуверенности в эффективности цифровых моделей взаимодействия с властью, что может выступать барьером в использовании этих технологий.

В отличие от других видов барьеров, на оценку эффективности практически не влияет уровень вовлеченности молодежи в практики цифрового взаимодействия с властью. Корреляционный анализ также указывает, что более сильным влияющим фактором выступает не возраст, а занятость респондентов. Так, работающая молодежь в большинстве случаев ставит более низкие оценки эффективности онлайн-коммуникаций с институтами власти; студенты высших учебных заведений выше других групп молодежи оценивают эффективность обращения через официальные сайты, официальные письма на электронную почту и горячую линию; учащиеся средних специальных учебных учреждений чаще признают социальные сети и открытые обсуждения на сайтах как успешные каналы цифрового взаимодействия.

Табл. 2. Оценка эффективности цифровых форм взаимодействия с властью

Table 2. Assessing the effectiveness of digital forms of interaction with authorities

Форма взаимодействия	Средний балл по категориям молодежи			Доля поставивших 5 баллов, %
	Работающая молодежь	Студенты вузов	Студенты средних специальных учебных учреждений	
Обращение через официальные сайты и порталы (онлайн-приемные)	3,23	3,35	3,11	17,70
Сообщения и комментарии на страницах органов власти в социальных сетях	2,37	2,39	2,71	9,30
Участие в открытых обсуждениях, комментарии и отзывы к проектам на сайтах	2,72	2,92	3,03	13,60
Официальные письма, запросы, обращения через электронную почту	3,36	3,42	3,17	19,60
Обращения на горячую линию, в том числе онлайн	3,12	3,22	3,17	17,40

Барьеры ограниченных возможностей цифрового взаимодействия с властью связаны с присутствием в представлениях молодежи задач, проблем, тематических направлений, которые невозможно или чрезвычайно затруднительно решить через электронные обращения: только 6,7% опрошенных указали, что не видят таких ограничительных факторов, 70,4% точно полагают, что такие факторы есть. К числу наиболее часто выбираемых ограничителей цифровых каналов молодые граждане относят проблемы технического обеспечения взаимодействия (табл. 3): отсутствие электронных сервисов для обращения по конкретным вопросам (35,1%), частые технические сбои в работе сайтов государственных учреждений и структур власти (29%), устаревание информации на сайтах (17,9%). Вторую категорию ограничений составляет скорость и гарантированность обратной связи (31,1%). Третье направление определяет несоответствие цифровых обращений для решения сложных вопросов (30,7%). Далее идут опасения, связанные с обеспечением безопасности в цифровых каналах связи с властью — защиты персональных данных обратившихся (27,6%) и легкости предоставления недостоверной, ложной информации (17,3%). Наконец, молодежь затрагивает и проблемы, связанные с собственным опытом и компетентностью, когда в цифровых инструментах отсутствуют подсказки и комментарии, куда обратиться и какой сервис использовать (19,4%).

Табл. 3. Ограничения в использовании цифровых форм взаимодействия с властью в представлениях молодежи

Table 3. Limitations in the use of digital forms of interaction with authorities in the views of young people

Ограничения	Доля респондентов, отметивших ограничение, %
Не для всех вопросов есть соответствующие электронные сервисы и услуги	35,1
Можно не дождаться ответа, реакции, надежнее личные обращения	31,1
Сложные вопросы, проблемы нельзя обсудить и решить онлайн	30,7
Частые технические сбои в работы сайтов, порталов органов власти	29,0
Есть опасения по поводу защиты и безопасности личных данных в интернет-обращениях	27,6
Сложно разобраться, куда можно обратиться со своим вопросом	19,4
Информация на сайтах, порталах плохо обновляется, устаревает	17,9
В электронных обращениях легче предоставить недостоверную информацию, скрыть данные	17,3
Другое	3,1
Не видят никаких ограничений	6,7
Затруднились ответить	23,5

Барьеры, с которыми сталкивается молодежь при обращении к сайтам и порталам официальных структур, обращают нас к вопросу, как воспринимаются молодежью страницы представителей власти в социальных сетях. Исследования расширения присутствия политических лидеров и органов власти различных уровней в социальных медиа показывают, что контент, предлагаемый на этих аккаунтах, зачастую вызывает сложности восприятия и даже отторжение у молодежи [Комарова,

2021]. Результаты нашего опроса подводят к следующему противоречию. С одной стороны, на аккаунты различных органов власти (федерального, регионального и муниципального уровня) подписаны 10–14% участников опроса: меньше всего подписчиков у регионального Законодательного собрания (9,9%), Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина (9,3%); больше всего — у общественных и политических деятелей (13,6%) и главы города (12,2%). Соответственно, незначительная часть опрошенных может быть определена как «знающие» аккаунты органов власти и их представителей; около половины молодых граждан сталкивались, но не подписаны на них; чуть больше трети респондентов никогда не обращали внимание на аккаунты акторов/агентов политической сферы. С другой стороны, большинство опрошенных (70,9%) при оценке понятности и привлекательности таких страниц в социальных сетях склоняются к мнению, что они не вызывают у них сложности и дискомфорта восприятия. Имеющийся у респондентов опыт цифровых коммуникаций вновь начинает усиливать негативное восприятие контента: чем в большее число форм взаимодействия с властью вовлечены участники опроса, тем негативнее их восприятие аккаунтов органов власти (рис. 3).

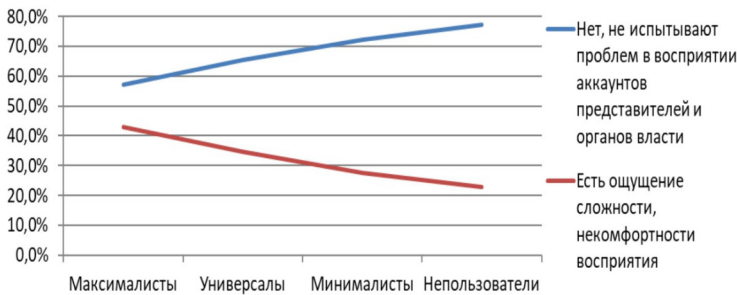

Рис. 3. Влияние опыта использования различных цифровых инструментов взаимодействия с властью (типа пользователей) на наличие дискомфорта в восприятии аккаунтов политических деятелей

Fig. 3. The influence of experience in using various digital tools for interacting with authorities (type of users) on the presence of discomfort in the perception of political figures' accounts

Что отталкивает молодежь при обращении к аккаунтам субъектов политических решений в социальных медиа (табл. 4)? Прежде всего, молодые жители мегаполиса, испытывающие сложности при восприятии аккаунтов, указывают на медийный образ, приоритетность демонстрации созданного имиджа (48,2%) и статусный разрыв, когда коммуникация определяется иерархически более высокой должностной позицией владельца аккаунта (47,2%). Оба эти барьера определяются именно формальной принадлежностью к органам власти, и их преодоление в наибольшей мере может определяться личностными характеристиками политического коммуникатора. Остальные разрывы так или иначе могут быть скорректированы персональными усилиями деятеля, оцениваются как менее выраженные, но также транслируются молодым поколением — возрастной барьер (43,4%), ценностный разрыв (41,6%), финансовый (37%) и языковой (32,4%) барьеры. Обратим внимание, что в наименьшей степени у молодежи вызывает дискомфорт гендерный и культурный разрыв,

она открыта к принятию ценностей представителей старшего поколения и готова признать «мужской» мир политики.

Табл. 4. Барьеры восприятия аккаунтов представителей власти в социальных медиа
Table 4. Barriers to the perception of government officials' social media accounts

Трудности восприятия	Доля респондентов, испытывающих данную трудность, % от имеющих дисконфорт при восприятии аккаунтов
Медийный образ: политическим субъектам важен имидж, демонстрация положительных и одобряемых характеристик	48,2
Статусный разрыв: субъекты власти занимают официальные должности, смотрят на мир через должностные позиции, стоят наверху иерархии	47,2
Возрастной барьер: им сложно понять молодых, есть разрыв поколений, в том числе цифровой	43,4
Разница в ценностных ориентациях: цели и ценности политических акторов отличаются	41,6
Финансовый разрыв: уровень жизни представителей власти совершенно иной, им сложно понять обычных людей	37,0
Языковой барьер: они говорят на «другом» языке, другими словами	32,4
Гендерный барьер: в основном это «мужской» мир, политика часто связана с гендерным неравновесием	22,4
Культурный разрыв: в основном политики выросли в другую эпоху, любят другую музыку, литературу	18,9

На втором этапе выделенные пять типов барьеров были выстроены в карту барьеров молодежи по использованию цифрового взаимодействия с властью (табл. 5). Показатели по всем типам трудностей были приведены в дихотомическую форму: доля ощущающих и не ощущающих давление этого барьера. В результате преобразования определено, что три препятствия в настоящий момент присутствуют у двух третей опрошенных: наличие ограничений в цифровых коммуникациях с властью, недоверия цифровым формам активизма и цифровых компетенций. Для 40% молодежи проявлен барьер оценки цифровых каналов коммуникации как малоэффективных, для 29% — барьер сложности восприятия аккаунтов политических деятелей.

Матрица пересечения барьеров позволяет зафиксировать, что крайние позиции — полное отсутствие трудностей цифрового взаимодействия или присутствие всех выделенных барьеров — охватывают 4,1 и 4,6% соответственно. Самая большая доля (31,5%) опрошенных имеет признаки наличия трех препятствий, еще 25% сталкиваются в настоящий момент с двумя барьерами. Следовательно, можно говорить, что для большинства опрошенных (80,2%) ситуация наличия у них представлений, оценочных суждений или проблем в цифровых коммуникациях, препятствующих эффективному цифровому взаимодействию с властью, является достаточно выраженной (рис. 4).

Табл. 5. Распространенность барьеров цифрового взаимодействия с властью среди молодежи

Table 5. Prevalence of barriers to digital interaction with authorities among young people

Барьеры	Индикатор наличия барьера	Доля ощущающих этот барьер, %
Ограниченные возможности онлайн-коммуникации	Указано три и более ограничения или выбран ответ «затрудняюсь ответить»	65,3
Недоверие к формам цифрового гражданства/активизма	Неготовность участвовать в электронном голосовании на выборах	64,2
Недостаточные/слабые цифровые компетенции	Оценка своих компетенций как недостаточных или ответ «затрудняюсь оценить»	61,6
Невысокая оценка эффективности цифрового взаимодействия	Средняя оценка эффективности по всем цифровым формам ниже 3 баллов	39,5
Негативное восприятие аккаунтов властных структур	Наличие дискомфорта при восприятии аккаунтов представителей органов власти	29,1

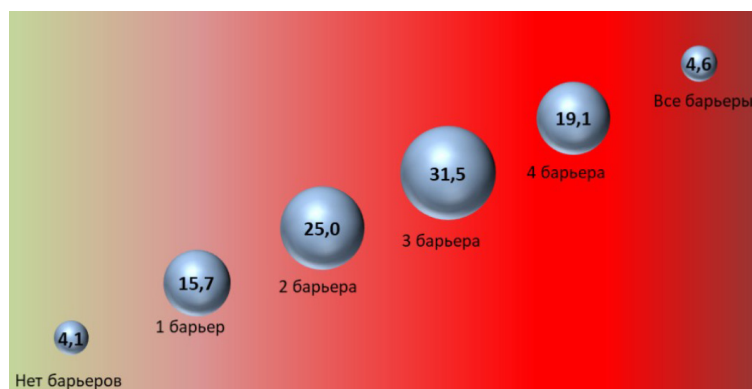

Рис. 4. Структура распространенности барьеров цифрового взаимодействия с властью среди молодежи, %

Fig. 4. Structure of the prevalence of barriers to digital interaction with authorities among young people, %

Мотивация цифрового взаимодействия молодого поколения с властью

Одним из основных барьеров развития гражданского участия традиционно считается слабая мотивация общественной активности людей. Отчужденность, проявляемая на эмоциональном уровне (равнодушие, усталость, высокий уровень социальных страхов) и в содержательных контекстах (несовпадение представлений об общих интересах, недоверие институтам власти и активистам и пр.), отсутствие опыта совместных действий, несформированность культуры соучастия и другие факторы являются следствием и проявлением отсутствия мотивации включения в гражданский активизм. В последнее время разворачивается дискуссия, предметом которой становится оценка уровня мотивации вовлеченности российской молодежи в практики взаимодействия с властью. Диапазон оценок при этом варьируется

от крайне негативных и пессимистичных [Исаева и др., 2021] до позитивных, демонстрирующих рост мотивированности и гражданской ответственности молодого поколения [Парма, 2022].

Участники нашего проекта видят большой спектр мотивов, которые могут побудить молодого горожанина участвовать в общественной жизни и взаимодействовать с властными структурами и организациями (табл. 6). В среднем каждым респондентом было выбрано 3,7 ответа, т. е. можно говорить о присутствии у каждого участника набора из 3–4 мотивов, расцениваемых как устойчивые и достаточные для гражданского активизма молодежи.

Группу лидирующих мотивов составляют мотивы, связанные с эффективностью реализации гражданских инициатив: достижения заявленных целей и результатов, возможности реального влияния на деятельность властей, в том числе через публичное выражение мнения, в том числе недовольства действиями властей или ситуацией в городе.

Вторыми по частоте выборов выступают мотивы, в которых так или иначе присутствует идея реализации личного интереса. Отметим, что здесь речь скорее идет об использовании взаимодействия с властью как инструмента решения проблем, имеющих личную значимость, связанных с нарушением прав или дающих возможность приобрести личную выгоду или реализовать свои проекты.

Мотивы социальной солидарности традиционно присутствуют в мотивации волонтерства и других форм гражданского активизма, однако в мотивационной структуре взаимодействия с властью они не имеют первостепенного значения. Стремление оказывать помощь нуждающимся или мотивы коллективного участия значимы в сочетании с мотивами-лидерами. Это же касается и мотивов гражданского долга: осознание и понимание полезности и ценности инструментов партисипаторной демократии, а также рассмотрение их в качестве гражданской обязанности пока не сформировались как ведущие и самостоятельно значимые мотивы взаимодействия с властями.

Опрошенная нами молодежь готова включаться во взаимодействие с властными структурами с использованием цифровых форм для решения задач в наиболее интересующих их направлениях социальной деятельности. Иерархическая матрица этих направлений позволяет зафиксировать наиболее востребованные (условия досуга молодежи, перспективы трудоустройства, экологические проблемы, помощь животным, развитие образования), среднезначимые (борьба с наркоманией/алкоголизмом, безопасность, городская среда, жилищные проблемы молодежи и др.), а также наименее важные для поколения молодых горожан (участие в решении городских проблем и патриотизм) тематические области взаимодействия с властью (рис. 5). Однако отметим, что практически все потенциальные сферы установления коммуникации получили активный выбор молодежи, нет безусловного лидера (с большим отрывом в показателях выбора) или критически малых значений поддержки (менее 5%).

Это указывает на потенциальную готовность молодежи взаимодействовать с властью в максимально широком предметном диапазоне, включение всех сфер в актуальную повестку интересов молодежи. Предполагаем, что в этой ситуации выбор, активизация и инициирование обращения будут определяться не только тематикой проблемы, но и стремлением эффективно ее решить, а также личной включенностью и заинтересованностью.

Рис. 5. Предметные зоны интереса молодежи

Fig. 5. Subject areas of interest for young people

Табл. 6. Мотивы участия в общественной жизни и взаимодействия с властями

Table 6. Motives for participation in public life and interaction with authorities

Мотивы участия	Доля имеющих этот мотив, %
МОТИВЫ ВЛИЯНИЯ НА СИТУАЦИЮ И ВЛАСТЬ	
Гарантии того, что эта деятельность даст результаты	55,0
Возможность повлиять на политику городских властей	23,6
Возможность публично выразить свое мнение или протест местным властям	21,1
Возможность публично выразить недовольство социальной обстановкой в городе	19,3
Понимание сути местного самоуправления, роли населения в принятии решений	12,4
МОТИВЫ РЕШЕНИЯ ЛИЧНЫХ ЗАДАЧ	
Возможность решить волнующую лично проблему	37,0
Возможность заработать, получить бонусы	36,9
Нарушение своих прав и желание отстоять эти права или исправить нарушение	23,0
Желание или потребность осуществить какую-либо идею или проект	19,7
МОТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ	
Стремление помочь людям, попавшим в чрезвычайную ситуацию, нуждающимся в поддержке	26,8
Уверенность, что другие жители тоже будут участвовать в общественной жизни	17,5
Давление со стороны близких, коллег, друзей	4,1

Окончание табл. 6

End of the table 6

Мотивы участия	Доля имеющих этот мотив, %
МОТИВЫ ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА	
Осознание того, что это социально полезное и одобряемое большинством дело	18,3
Осознание того, что участие в общественной жизни — это важный элемент демократии	15,4
Понимание своего гражданского долга, обязанностей перед обществом	10,2

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило зафиксировать реальные практики использования молодежью цифровых форм обращения к власти и структурировать молодых граждан по широте или масштабу использования онлайн-инструментов взаимодействия. Цифровое взаимодействие молодежи с властью достигает пика к 23–26 годам, а к возрасту 27–29 лет выделяется устойчивое ядро, которое можно рассматривать как потенциальный ресурс в развитии системы онлайн-коммуникаций гражданского общества и институтов власти.

Авторами были предложены типологизации барьеров и мотивов, оказывающих влияние на потенциальную готовность и реальные практики использования цифрового взаимодействия с властью. Три барьера расцениваются как наиболее распространенные, характерные для двух третей молодежи — ограничение цифровых коммуникаций, недоверие к цифровым формам гражданского активизма и невысокая оценка собственных цифровых компетенций. Согласно нашим результатам, молодежь испытывает высокий уровень барьеризации цифрового взаимодействия с властью, поскольку большинство имеет оценки и представления, базирующиеся на двух и более барьерах. Структура мотивов включения в онлайн-взаимодействие с властью включает в себя четыре базовых типа, наиболее значимыми из которых выступают мотивы достижения результатов и влияния на управленческие решения, а также решения проблем, затрагивающих личные интересы и имеющих субъективную значимость для молодежи.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении цифрового взаимодействия со стороны властных структур — как в контексте выявления экспертного мнения об эффективности и дальнейшем развитии этих форм гражданского соучастия, так и в контексте анализа возможностей и востребованности имеющихся цифровых инструментов, в том числе с использованием аккаунтов политических деятелей в социальных сетях.

Литература

Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Гурарий А.Д. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 1. С. 243–257. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.13.

Барбаков Г.О., Курашенко И.А., Устинова О.В. Взаимодействие муниципальной власти с населением: формы и критерии оценки // Фундаментальные исследования. 2015. № 12–4. С. 746–750. Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39616> (дата обращения: 15.10.2023).

ВЦИОМ. Этика в эпоху цифровизации: ищем баланс. 12.09.2023. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehtika-v-ehpokhu-robotizacii-ishchem-balans> (дата обращения: 23.10.2023).

Зимова Н.С., Фомин Е.В., Смагина А.А. Социальные сети как новый канал взаимодействия общества и власти // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 159–171. DOI: 10.18413/24089338-2020-6-2-0-11.

Иванько А.Ф., Иванько М.А., Сорокина В.А. Портал государственных услуг: насколько эффективна помощь гражданскому обществу? // Инновационная наука. 2017. № 1–2. С. 73–77. Режим доступа: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-2017-01-2.pdf> (дата обращения: 22.10.2023).

Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (дата обращения: 24.10.2023).

Исаева Е.А., Фролов А.А., Беляков А.А., Гребенко Е.Д. Лояльность молодежи к современной российской власти // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 22–41. DOI: 10.31429/26190567-22-4-22-41.

Комарова А.А. Политические лидеры и молодежь: взаимодействие в социальных сетях // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 42–49. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49.

Медиаскоп. Социальные сети в первом полугодии 2023. 07.09.2023. Режим доступа: <https://mediascope.net/news/1681112/> (дата обращения: 27.10.2023).

НАФИ. Бумеры против зуммеров: оценка цифровых компетенций поколений. 15.06.2020. Режим доступа: <https://nafu.ru/analytics/bumery-protiv-zumerov-otsenka-tsifrovyykh-kompetentsiy-pokoleniy/> (дата обращения: 20.10.2023).

Парма Р.В. Мотивация гражданского участия российской молодежи в деятельности общественных организаций // Власть. 2022. Т. 30. № 6. С. 36–42. DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9331.

Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 63–69. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69.

Рослякова М.В. Социальные сети в профессиональной деятельности государственных служащих: российская практика и зарубежный опыт // Социодинамика. 2019. № 9. С. 82–99. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30298.

Рубанов В.А. Система взаимодействия органов власти и населения как объект социологического исследования // Философия и социальные науки. 2013. № 1. С. 69–73. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/49754/1/pages%2069-73%20Rubanou.pdf> (дата обращения: 18.10.2023).

Руденкин Д.В. Эвристический потенциал теории «цифровых аборигенов» М. Пренски при исследовании современной российской молодежи // Социодинамика. 2019. № 9. С. 9–19. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30365.

Федотова В.А. Доверие к власти у современной российской молодежи: роль ценностей и этнической идентичности // Политика и общество. 2022. № 2. С. 14–27. DOI: 10.7256/2454-0684.2022.2.37327.

ФОМ. Участие молодежи в политической жизни страны. 28.02.2023. Режим доступа: <https://fom.ru/Politika/14842> (дата обращения: 21.10.2023).

Ченелюк С.Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 447–459. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459.

Шиповалова Л.В., Чернышева Л.А., Гизатуллина Э.Г. Цифровые технологии управления в действии, или Об активности граждан вокруг платформы «Активный гражданин» // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 1. С. 71–87. DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11005.

Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2023. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/802513326.pdf> (дата обращения: 22.10.2023).

Dahlgren P. The Political Web: Media, Participation and Alternative Democracy. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2013. 195 p.

Juusola H., Varsaluoma J. Stakeholders' Perception on Youths' e-Participation in Finland: Case Virtual Council // JAYS. 2023. No. 6. P. 75–93. DOI: 10.1007/s43151-023-00093-z.

Kidman J., O'Malley V. Questioning the Canon: Colonial History, Counter-Memory and Youth Activism // Memory Studies. 2018. No. 13 (4). P. 1–14. DOI: 10.1177/1750698017749980.

Kligler-Vilenchik N., Shresthova S. Feel that You Are Doing Something: Participatory Culture Civics: Conjunctions // Transdisciplinary Journal of Cultural Participation. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 1–25. DOI: 10.7146/tjcp.v1i1.18604.

Legner C., Eymann T., Hess T., Matt C., Böhm T., Drews P., Mädche A., Urbach N., Ahlemann F. Digitalization: Opportunity and Challenge for the Business and Information Systems Engineering Community // Business & Information Systems Engineering. 2017. Vol. 59. No. 4. P. 301–308. DOI: 10.1007/s12599-017-0484-2.

Matt C., Trenz M., Cheung C.M.K., Turel O. The Digitization of the Individual: Conceptual Foundations and Opportunities for Research // Electron Markets. 2019. No. 29. P. 315–322. DOI: 10.1007/s12525-019-00348-9.

Meriläinen N., Heiskanen H. E., Viljanen J. Participation of Young People in Legislative Processes: A Case Study of the General Upper Secondary Schools Act in Finland — A School Bullying Narrative // The Journal of Legislative Studies. 2020. No. 4. P. 1–32. DOI: 10.1080/13572334.2020.1826095.

Mickoleit A. Social Media Use by Governments: A Policy Primer to Discuss Trends, Identify Policy Opportunities and Guide Decision Makers. OECD Working Papers on Public Governance. No. 26. Paris: OECD Publishing, 2014. DOI: 10.1787/5jxrcmghmk0s-en.

Pickard S, Bowman B., Dena A. Youth and Environmental Activism // Routledge Handbook of Environmental Movements / Eds M. Grasso, M. Giugni. London: Routledge, 2022. P. 521–537.

Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part I // On The Horizon. 2001. No. 9. P. 3–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

Ross A. Young Europeans: A New Political Generation? // Societies. 2018. Vol. 8. No. 3. P. 70. DOI: 10.3390/soc8030070.

Sæbø Ø., Rose J., Flak L.S. The Shape of eParticipation: Characterizing an Emerging Research Area // Government Information Quarterly. 2008. Vol. 25. No. 3. P. 400–428. DOI: 10.1016/j.giq.2007.04.007.

Scherer S., Wimmer M.A., Schepers J. Regional Participation Model to Engage Citizens in Distant Decision-making // Empowering Open and Collaborative Governance / Eds Y. Charalabidis, S. Koussouris. Berlin: Springer, 2012. P. 139–155.

Toots M. Why E-Participation Systems Fail: The Case of Estonia's Osale.ee // Government Information Quarterly. 2019. No. 36. P. 546–559. DOI: 10.1016/j.giq.2019.02.002.

Van Deth J.W. Is Creative Participation Good for Democracy // Creative Participation: Responsibility-taking in the Political World / Eds M. Micheletti, A. McFarland. Boulder: Paradigm Publishers, 2010. P. 148–172.

Digital Interaction between Youth and Authorities: Motivation and Barriers

SOFYA B. ABRAMOVA

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia;
e-mail: s.b.abramova@urfu.ru

NATALYA L. ANTONOVA

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia;
e-mail: n.l.antonova@urfu.ru

The development of digital platforms significantly changes the potential and practices of citizen participation in management and decision-making. The routinization of usage of the Internet by the youth allows for the inclusion of a wide range of digital practices in the political sphere in their private everyday lives. Despite the obvious and recognized advantages of online communication, their presence and digital infrastructure do not in themselves determine the intensity of young people's appeal to dialogue with the authorities and the effectiveness of this interaction. In order to identify the characteristics, motives and obstacles in the system of digital interaction between young people and authorities, we conducted a sociological study of Yekaterinburg residents aged 17–35 years. The sample consisted of 1,350 people. Based on the results of the study, the main forms of digital appeals of young people to power structures were identified. Four types of young citizens were revealed basing on the scope of use of digital channels: maximalist users, generalists, minimalists, and non-users of online communication tools with the authorities. Next, five groups of factors were identified that act as barriers to the choice and readiness to use digital forms of interaction with authorities: insufficient digital competencies, distrust and low assessment of digital forms of interaction, limited online communication capabilities and discomfort in the perception of government accounts. It was found that the majority of young respondents have ideas, judgments or problems in digital communication related to two or more barriers. We assess this as a high level of barrier to digital interaction with authorities. An important aspect of overcoming barriers is the formation of motivation for youth social activity, and the study identified the structure of youth motives. The leading importance of motives for effective influence on the situation and power, the high importance of motives for solving personal problems, and the less pronounced influence of motives of social solidarity and civic duty have been determined. Prospects for further research are seen in the study of digital interaction on the part of government structures.

Keywords: youth, politics, government, digitalization, online-communication, motive, obstacles, co-participation, efficiency.

Acknowledgment

The research was carried out with financial support from the Ministry of science and higher education of the Russian Federation within the framework of a state assignment (topic FEUZ-2023-0045).

References

Antonova, N.L., Abramova, S.B., Gurarii, A.D. (2022). Tipologizatsiya praktik nepoliticheskoy aktivnosti gorodskoy molodezhi: formy, motivatsiya, bar'yery [Classification of non-political participation practices of urban youth: Forms, motivation, barriers], *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 15 (1), 243–257 (in Russian). DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.13.

Barbakov, G.O., Kurachenko, I.A., Ustinova, O.V. (2015). Vzaimodeystviye munitsipal'noy vlasti s naseleniyem: formy i kriterii otsenki [Interaction of municipal authorities with populations: forms and evaluation criteria], *Basic Research*, 12 (4), 746–750. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39616> (date accessed: 15.10.2023) (in Russian).

Chepelyuk, S.G. (2022). Fenomen “tsifrovogo doveriya” i yego vliyaniye na stanovleniye tsifrovogo pravitel'stva v Rossii [The phenomenon of “digital trust” in the context of digital government in Russia], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya*, 24 (3), 447–459 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459.

Dahlgren, P. (2013). *The Political Web: Media, Participation and Alternative Democracy*, Basingstoke, England: Palgrave Macmillan.

Fedotova, V.A. (2022). Dovereie k vlasti u sovremennoy rossiyskoy molodezhi: rol' tsennoy i etnicheskoy identichnosti [Trust in power among modern Russian youth: the role of values and ethnic identity], *Politika i obshchestvo*, no. 2, 14–27 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0684.2022.2.37327.

FOM. *Uchastiye molodezhi v politicheskoy zhizni strany* [Participation of youth in the political life of the country]. Available at: <https://fom.ru/Politika/14842> (date accessed: 21.10.2023) (in Russian).

Indikator (2023) *tsifrovoy ekonomiki: 2022: statisticheskiy sbornik* [Digital economy indicators in the Russian Federation: 2022: Data Book], Moskva: VShE. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf> (date accessed: 24.10.2023) (in Russian).

Isaeva, E.A., Frolov, A.A., Belyakov, A.A., Grebenko, E.D. (2021). Loyal'nost' molodezhi k sovremennoy rossiyskoy vlasti [Loyalty of youth to modern Russian authorities], *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 22 (4), 22–41 (in Russian). DOI: 10.31429/26190567-22-4-22-41.

Ivanko, A.F., Ivanko, M.A., Sorokina, V.A. (2017). Portal gosudarstvennykh uslug: naskol'ko effektivna pomoshch grazhdanskomu obshchestvu? [Public services portal: how effective is assistance to civil society?], *Innovatsionnaya nauka*, no. 1 (2), 73–77. Available at: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-2017-01-2.pdf> (date accessed: 22.10.2023) (in Russian).

Juusola, H., Varsaluoma, J. (2023). Stakeholders' Perception on Youths' e-Participation in Finland: Case Virtual Council, *JAYS*, no. 6, 75–93. DOI: 10.1007/s43151-023-00093-z.

Kidman, J., O'Malley, V. (2018). Questioning the Canon: Colonial History, Counter-Memory and Youth Activism, *Memory Studies*, 13 (4), 1–14. DOI: 10.1177/1750698017749980.

Kligler-Vilenchik, N., Shresthova, S. (2014). Feel that You Are Doing Something: Participatory Culture Civics: Conjunctions, *Transdisciplinary Journal of Cultural Participation*, 1 (1), 1–25. DOI: 10.7146/tjcp.v1i1.18604.

Komarova, A.A. (2021). Politicheskoye lidery i molodezh': vzaimodeystviye v sotsial'nykh setyakh [Political leaders and young people: interaction in social networks], *Tsifrovaya sotsiologiya*, 4 (1), 42–49 (in Russian). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-42-49.

Legner, C., Eymann, T., Hess, T., Matt, C., Böhmman, T., Drews, P., Mädche, A., Urbach, N., Ahlemann, F. (2017). Digitalization: Opportunity and Challenge for the Business and Information Systems Engineering Community, *Business & Information Systems Engineering*, 59 (4), 301–308. DOI: 10.1007/s12599-017-0484-2.

Matt, C., Trenz, M., Cheung, C.M.K., Turel, O. (2019). The Digitization of the Individual: Conceptual Foundations and Opportunities for Research, *Electron Markets*, no. 29, 315–322. DOI: 10.1007/s12525-019-00348-9.

Mediascope (2023). *Sotsial'nyye seti v pervom polugodii 2023* [Social networks in the first half of 2023]. Available at: <https://mediascope.net/news/1681112/> (date accessed: 23.10.2023) (in Russian).

Meriläinen, N., Heiskanen, H.E., Viljanen, J. (2020). Participation of Young People in Legislative Processes: A Case Study of the General Upper Secondary Schools Act in Finland — A School Bullying Narrative, *The Journal of Legislative Studies*, no. 4, 1–32. DOI: 10.1080/13572334.2020.1826095.

Mickoleit, A. (2014). Social Media Use by Governments: A Policy Primer to Discuss Trends, Identify Policy Opportunities and Guide Decision Makers, *OECD Working Papers on Public Governance*, no. 26, Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5jxrcmgmhmk0s-en.

NAFI (2020). *Bumery protiv zumerov: otsenka tsifrovyykh kompetentsiy pokoleniy* [Boomers vs. buzzers: assessing the digital competencies of generations]. Available at: <https://nafi.ru/analytics/bumery-protiv-zumerov-otsenka-tsifrovyykh-kompetentsiy-pokoleniy/> (date accessed: 22.10.2023) (in Russian).

Parma, R.V. (2022). Motivatsiya grazhdanskogo uchastiya rossiyskoy molodezhi v deyatelnosti obshchestvennykh organizatsiy [Motivation of civil participation of Russian youth in the activities of public organizations], *Vlast'*, 30 (6), 36–42 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9331.

Pickard, S., Bowman, B., Dena, A. (2022). Youth and Environmental Activism, in M. Grasso, M. Giugni (Eds.), *Routledge Handbook of Environmental Movements* (pp. 521–537). London: Routledge.

Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants, Part 1, *On the Horizon*, no. 9, 3–6. DOI: 10.1108/10748120110424816.

Pyrna, R.V. (2019). Vliyaniye tsifrovyykh kommunikatsiy na politicheskoye uchastie [The influence of digital communications on political participation], *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 9 (4), 63–69 (in Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69.

Roslyakova, M.V. (2019). Sotsial'nyye seti v professional'noy deyatelnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh: rossiyskaya praktika i zarubezhnyy opyt [Social networks in work of the government officials: Russian practice and foreign experience], *Sotsiodinamika*, no. 9, 82–99 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30298.

Ross, A. (2018). Young Europeans: A New Political Generation? *Societies*, 8 (3), 70. DOI: 10.3390/soc8030070.

Rubanov, V.A. (2013). Sistema vzaimodeystviya organov vlasti i naseleniya kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [System of relations between government bodies and population as an object of sociological research], *Filosofiya i sotsial'nyye nauki*, no. 1, 69–73. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/49754/1/pages%2069-73%20Rubanov.pdf> (date accessed 18.10.2023) (in Russian).

Rudinkin, D. (2019). Evristicheskiy potentsial teorii “tsifrovyykh aborigenov” M. Prenski pri issledovanii sovremennoy rossiyskoy molodezhi [Heuristic potential of Marc Prensky's theory of “digital natives” in studying the modern Russian youth], *Sotsiodinamika*, no. 9, 9–19 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30365.

Sæbø, Ø, Rose, J., Flak, L.S. (2008). The Shape of EParticipation: Characterizing an Emerging Research Area, *Government Information Quarterly*, 25 (3), 400–428. DOI: 10.1016/j.giq.2007.04.007.

Scherer, S., Wimmer, M.A., Schepers, J. (2012). Regional Participation Model to Engage Citizens in Distant Decision-making, in Y. Charalabidis, S. Koussouris (Eds.), *Empowering Open and Collaborative Governance* (pp. 139–155), Berlin: Springer.

Shipovalova, L.V., Chernysheva, L.A., Gizatullina, E.G. (2021). Tsifrovyye tekhnologii upravleniya v deystvii, ili ob aktivnosti grazhdan vokrug platformy “Aktivnyy grazhdanin” [Digital governance technologies in action, or on the activity of citizens around the platform “active citizen”], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 12 (1), 71–87 (in Russian). DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11005.

Toots, M. (2019). Why E-Participation Systems Fail: The Case of Estonia's Osale.ee, *Government Information Quarterly*, no. 36, 546–559. DOI: 10.1016/j.giq.2019.02.002.

Tsifrovaya ekonomika (2023): *kratkiy statisticheskiy sbornik* [Digital economy: 2023: brief statistical collection], Moskva: VShE. Available at: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/802513326.pdf> (date accessed: 22.10.2023) (in Russian).

Van Deth, J.W. (2010). Is Creative Participation Good for Democracy, in M. Micheletti, A. McFarland (Eds.), *Creative Participation: Responsibility Taking in the Political World* (pp. 148–172), Boulder: Paradigm Publishers.

WTsIOM (2023). *Etika v epokhu tsifrovizatsii: ishchem balans* [Ethics in the era of digitalization: looking for balance]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehtika-v-ehpokhu-robotizacii-ishchem-balans> (date accessed: 23.10.2023) (in Russian).

Zimova, N.S., Fomin, Y.V., Smagina, A.A. (2020). Sotsial'nyye seti kak novyy kanal vzaimodeystviya obshhestva i vlasti [Social networks as a new channel of interaction between government and society], *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, 6 (2), 159–171 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6- 2-0-11.